

На границе поля таксиса, или О чем может узнать лингвист из старых петербургских объявлений?

В современной русистике категория таксиса и имя Александра Владимировича Бондарко тесно связаны. После первого тома ТФГ категория таксиса утвердилась в русской грамматике и стала одной из наиболее обсуждаемых грамматических проблем. Современная литература о таксисе в русском языке огромна, в библиографии по таксису мы найдем такие формулировки, как «таксис и время», «таксис и эвиденциальность», «таксис и дейксис», «таксис и модальность»; в связи с категорией таксиса обсуждаются не только семантика и функции глагольных форм, но и проблема однородности/неоднородности, причинно-следственные отношения в рамках полипредикативной конструкции, многомерность времени в тексте и др.¹ Сегодня проблематика таксиса соединяет морфологию и синтаксис, категории глагола и структуру предложения, категориальную семантику и смысл текста.

Настоящая статья посвящена явлениям, находящимся на периферии функционально-семантического поля таксиса, а точнее, на границе между таксисом и не-таксисом. Речь пойдет о тех случаях употребления русских деепричастий, которые не подчиняются стандартным правилам. Обращение к этому материалу позволяет увидеть одно из проявлений эгоцентрического механизма в русском синтаксисе.

Но вначале несколько замечаний о категориальной сущности таксиса и о вкладе ТФГ в разработку теории таксиса.

В русистике все началось со статьи Р. Якобсона 1957 г. [Якобсон 1972]. Для Р. Якобсона было важно отличить таксис от времени, что и было

¹ Подробнее см. [Вяльсова 2009].

обозначено термином «нешифтерная» категория в отношении таксиса. Авторы ТФГ пошли дальше: для ТФГ значимым стало установление оснований выделения таксисной пары. А.В. Бондарко предложил критерий «целостного (единого) периода времени» [ТФГ 1987: 237]. Соответственно, к таксису стали относить такую пару глагольных форм, которая соединяется в едином временном периоде. Это значит, что два действия не должны быть оторваны друг от друга во времени: «Если нет того целого, в рамках которого могут устанавливаться временные отношения между действиями, то нет и этих отношений, нет таксиса» [ТФГ 1987: 238].

Р. Якобсон (чья языковая компетенция формировалась на рубеже XIX-XX вв.) не говорил о целостном временном периоде и не видел проблемы в употреблении деепричастий несовершенного вида типа *встречав, знав*. И.И. Ковтунова, рассматривая изменения в употреблении деепричастий в конце XVIII – начале XIX веков (не используя термина *таксис* и не обсуждая проблемы единого временного периода), обратила внимание на то, что в XVIII – начале XIX веков еще была возможность употреблять деепричастия для обозначения действий, «отстоящих во времени» от действий, выраженных основным предикатом и что в первой трети XIX века уходят из языка такие употребления, в которых «деепричастие прошедшего времени несовершенного вида обозначает действие, длившееся в прошлом и не соприкасающееся с действием, обозначенным личным глаголом» [Ковтунова 1964: 376]. Это значит, что «единый временной период» как основание таксисной пары окончательно сформировался в XIX веке.

Понятно, что если есть три, следующих друг за другом действия, то они связаны во времени отношениями следования, которые нельзя разорвать. Так, из последовательности: *Он встал, подошел к книжному шкафу и взял книгу*. - нельзя убрать средний предикат, сохранив ту же самую денотативную ситуацию: *Он встал и взял из шкафа книгу* - это значит, что

человек сидит около шкафа. Та же ситуация в зависимом таксисе: *Встав, взял* — не предполагает, что человек шел до шкафа. Но вот пример:

Возможно, поэтому вечерние туалеты традиционно тёмных тонов. Выбирая платье, не спугните потенциальных кавалеров [Обрати внимание // «Даша», № 10, 2004].

Данный пример аномален, т.к. деепричастие требует соединения со следующим действием во времени. И требование единого временного периода вступает в противоречие с логикой развития событий: сначала выбирают платье, а значительно позже появляются потенциальные кавалеры и возможность их спугнуть. В примере же прочитывается одновременность двух действий (а точнее, их смежность, рядоположенность во времени), что и порождает ошибку.

В текстах XVIII – XIX веков можно найти примеры, в которых так же, как и здесь, таксисные отношения между предикатами не адекватно (с современной точки зрения) отражают реальную последовательность событий. Однако для XVIII-XIX веков стоит говорить не об аномальности, а о текстовой обусловленности этих примеров, т.к. сфера их употребления ограничена – это историческое повествование, в котором речь идет о событиях, разворачивавшихся как бы «на фоне географической карты». Сюжетное время в исторических нарративах сжимается (время в пути не учитывается), в повествовании отражается только последовательность фактов без учета реального временного (и пространственного) расстояния между ними. В художественных текстах время дороги нередко используется автором для несюжетной, фоновой информации (характеристики героев, лирических отступлений), см., например, в «Мертвых душах», где характеристики Ноздрева и Чичиков даются тогда, когда герои находятся в бричке, а характеристика Манилова, когда герои идут от входной двери до дверей в гостиную. Так в художественном нарративе действует принцип монтажа. Монтажный шов – это то место в тексте, где автор переходит от одного типа информации к другому, на монтажном шве автор может

обнаружить свою текстовую тактику: «Хотя время, в продолжении которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома» (Гоголь).

Существование критерия целостного временного периода означает, что есть такие синтаксические пары предикатов, которые не отвечают этому требованию, поэтому они исключаются из поля таксиса. В ТФГ приводится пример «не-таксиса» для полипредикативной конструкции с финитными формами глагола: *Мог ли тогда знать дедушка, что лет тридцать или сорок спустя по этому же пути... пройдет линейка с осетином на козлах, в которой среди прочих экскурсантов... будет ехать и одна из его многочисленных дочерей...* (В. Катаев) [ТФГ 1987: 238]. Отсутствие таксиса объясняется тем, что в предложении соотнесены два действия, одно из которых относится к плану прошлого, а второе – к плану будущего; в таком предложении не работает категория вида и нет отношений одновременности/разновременности между предикативными единицами, поэтому А.В. Бондарко говорит об отсутствии категории таксиса.

Напрашивается вопрос: а возможна ли такая же ситуация для деепричастия, т.е. возможно ли, что деепричастная конструкция окажется вне поля таксиса? Можно предположить, что для синхронного временного среза языка такая ситуация невозможна, т.к. деепричастие – форма, грамматически предназначенная для формирования зависимого таксиса, эта форма не имеет собственных морфологических показателей склонения, лица и времени², и поэтому «заимствует» предикативные категории у соседнего предиката. И если деепричастие выходит из сферы таксиса, оно квалифицируется либо как

² Хотя, по мнению некоторых исследователей, категория времени в деепричастии все-таки представлена: например, авторы «Русской грамматики» (Прага, 1979 г.) считают, что деепричастия должны быть разделены на деепричастия настоящего и прошедшего времени (на –а/я и на –в/вши). Временные формы деепричастия образуют привативную оппозицию, маркированным членом которой является прошедшее время, выражающее неодновременность, а немаркированным – настоящее, которое чаще выражает одновременность, но может и разновременность [Русская грамматика 1979; I: 209].

производный предлог (*благодаря, включая, спустя*), либо как вводное словосочетание (*короче говоря*)³.

Однако в истории языка находятся примеры употребления деепричастий, которые трудно классифицировать как принадлежащие или не принадлежащие сфере таксиса, поскольку эти примеры фиксируют то состояние глагольной системы, когда русское деепричастие, которому свойствен «нулевой» способ выражения субъектной валентности, относится не к субъекту диктальной части высказывания, а к субъекту модуса. Это конструкции, характерные для текстов XVIII-XIX вв. и связанные с субъектом восприятия, перемещающимся в пространстве.

Формально они представляют собой соединение двух диктальных единиц: в форме деепричастия стоит глагол перемещения (или другой пространственно ориентированный предикат), а основная часть предложения обычно является бытийным предложением или предложением со стативным предикатом. Деепричастие не соотносится с подлежащим в основной части, а связано с фигурой наблюдателя «за кадром» [Падучева 1996; 2004: 57-58; 2006]. См. примеры:

Проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен к горе [А.С. Грибоедов, Путевые записки.]

Двор на Адмиралтейской стороне за речкою Мойкою, *идучи* от главной Полицмейстерской канцелярии к Мошкову переулку, желающим купить... [объявление 1763]

Вышед из городских ворот, есть гульбище называемое *La place Peyron* [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)]

Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывался лучше, как *смотря* на него отсюда, с моста, не *доходя* шагов двадцать до часовни, так и сиял [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание].

³ Подобные сочетания рассматриваются в связи с понятием метатекста и речевого модуса; нарушение правила односубъектности объясняется функцией деепричастия – «деепричастие на службе у модуса» [Шмелева Т.В. 1984, 1988].

Наравне с «абсолютивными» деепричастиями, в первой половине XIX века деепричастие в подобных контекстах употребляется и с перцептивными предикатами (в соединении с субъектом перцепции в именительном падеже), как в примере:

Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую узкую деревянную колокольню... [Гоголь, Мертвые души].

Конструкции с деепричастными формами глаголов движения, обусловленные точкой зрения наблюдателя, текстово обусловлены: они встречаются в дневниках, путевых записках, городских объявлениях. Обратимся к старым петербургским объявлениям.

Объявления в газетах и журналах XVIII - начала XIX – особый жанр текста: он характеризуется небольшим размером и близостью к живой речи. Из-за краткости объявлений в них широко используются деепричастия.

Деепричастия появляются в разных типах объявлений: в коротких новостных сообщениях (*Ее Императорское Величество по ужине, **оказав** свое Высочайшее удовольствие хозяевам, изволила возвратиться во дворец во втором часу по полуночи.* [1777]; *Сему объявлению причину подал прошедший недавно напрасный страх от шалости неизвестного человека, который отвернул кран одного из театральных бассейнов, из которого вода, **пустясь** с шумом, произвела тревогу* [1783]); в объявлениях о подряде на городские работы (*Желающие будущей весной, Невскую преспективу, **начиная** от Полицейского моста до Лиговского канал по обеим сторонам в два ряда усадить березками,... могут с ясными о состоянии своем доказательствами и залогами явиться ... Те же, кои пожелают будущую весной Невскую преспективу, **начиная** от Казанского моста и **продолжая** до Аничковского по обеим сторонам в два ряда усадить липками...*[1800]); но чаще в объявлениях о найме/продаже недвижимости или продаже каких-либо товаров и услуг. В таких объявлениях основным сказуемым

оказываются глаголы с семантикой изменения посессивных отношений (купить, продать, сдать в наем):

*Продается... в доме 2-жи д. с. Советницы Волковой, который прежде назывался Худобашев, под номером 61, **вошел** в ворота со стороны Екатерининского канала [1790];*

*В приходе Владимирской церкви, **идуци** от дому 2. Логинова по разьежсей улице в ямскую по правой стороне, в доме под номером 2039 продаются соболи [1790];*

*В 3 Адмиралтейской части, **перешед** Никольской мост в большой Коломне, на Стрелке, продаются дворовые люди [1793];*

*В 3 Адмиралтейской части, **идуци** от Никольского рынка через мост, на правой руке, в угловом купце Редуева доме продаются с женою и двухлетним мальчиком Лифляндец [1793];*

*Отдается в наем или из выстройки загородное место... в годы, которое **не доехав** красного кабачка, что от Екатерингофа по большой дороге на 9 версте [1763].*

В приведенных текстах (объявлений о продаже) субъекты как финитной, так и деепричастной конструкций представлены синтаксическими нулями; но эти нули не кореферентны – правило односубъектности не соблюдается. За нулем при деепричастии стоит обобщенно-личный субъект перемещения и восприятия, за нулем субъекта при возвратном глаголе – конкретный владелец и продавец.

Иное дело объявления с выраженным (1) определенно-личным или (2) неопределенно-личным субъектом:

*(1) Медик Коллежский Ассессор Флешер... **имея** сострадание к бедным, страждущим застарелыми болезнями, намерен лечить их безденежно [1800]; Проехавший сюда из Праги Франц Ербан, **упражняясь** в искусстве Силюетов, надеется, что его поспешность в приготовлении оных, а при том и удачное в том сходство привлекут к нему многих охотников [1785].*

(2) *Сбежала молодая собака шавка. Кто оную **поймав**, приведет в Жадермиров дом, получит награждение [1800]; Обронены гладкие золотые часы. Кто таковые **найдя** доставит в дом, состоящий на Невском проспекте..., тот получит 50 рублей [1801].*

Из приведенных примеров видно, что употребление деепричастий в старых объявлениях можно разделить на 2 типа: первый тип – деепричастия относятся к личным субъектам и всегда согласуются по субъекту (в формулировке М.В. Ломоносова – «по лицу») с личным глаголом (*Ее Императорское Величество, **изъявив** хозяину и хозяйке высочайшую милость, изволила отбыть в 10м часу, **оставя** хозяев в неописанном удовольствии; в три же часа за полночь все гости, кои угощаемы были с крайним усердием, **оказав** хозяину благодарение, разъехались [1788]*); второй – субъект становится обобщенным, неконкретным (*Надворный советник Шнезе продает в большой Мещанской улице, **поворотя** с Вознесенской к губернским правлениям, второй от угла двор, на котором выстроены 2 каменные дома, один на улицу, а другой во дворе, с особливыми для каждого ж каменными службами и с разными дворами... [1780].*

Нас интересуют конструкции второго типа, когда деепричастный оборот используется для локализации объекта, для указания места и маршрута, по которому надо добираться до нужного дома. Субъектом действия, оформленного деепричастием, оказывается любой человек, ищущий это место, т. е. обобщенный субъект-наблюдатель (включающий Я пишущего). Особенность таких конструкций в том, что деепричастие читается фактически абсолютивно. И так как нет другого действия, с которым могло бы сочетаться данное, выраженное деепричастием, то деепричастие теряет динамику и сближается по функциям с предлогом – например, *рядом, около, вблизи.*

Деепричастия относятся не к субъекту основного диктального предиката, а к субъекту модуса, это значит, что деепричастия ведут себя как эгоцентрики:

Зубной лекарь объявляет через сие, что он ныне живет в переведенской улице, на дворе у Петра Алексеева сына Волкова, во второй улице по правой стороне за рогаткою, **перешедши** синий мост [1738];

У Спаса на Сенной, в Гороховой улице, от Рындина кабака к графскому пролomu, **недошед** Аринкиного мосту, по правой руке, в немазаном доме вдовы Анны Никифоровой продаются птицы... [1763].

Продается под строение хорошего дома место в 40 сажень длины и 30 поперешнику. Против Никольского собора, одним углом **поворотясь** к Никольскому каналу, другим по Театральному проспекту [1790];

По Литейной, **пройдя** Лютеранскую церковь, по Васильевской улице отдается в наем дом [1801];

Арестованной Саксонского купца Ягана Вакергагена за неплатеж им по акцептованному векселю в л.-зв. В Конной полк 9.500 р. двор на Адмиралтейской стороне за речкою Мойкою, **идучи** от главной Полицмейстерской канцелярии к Мошкову переулку, желующим купить <...> явиться... [1761].

Но вот пример объявления, в котором деепричастие соединяется не только с существительными, но и с перцептивным глаголом *видеть*. Соответственно деепричастие прочитывается и по законам таксиса и по правилу односубъектности:

Продается мужик к женой и дочерью, <...>, коих *видеть* и о цене узнать можно во 2 Адмиралтейской части, подле каменного мосту, в доме 2-жи д.с. Волковой, который прежде назывался Худобашев под № 61, **вошед** в ворота со стороны Екатериненского канала, в нижнем этаже, на правой руке, в первые большие двери [1798].

Подобные примеры говорят о том, все неканонические употребления деепричастий следует интерпретировать в связи с пропущенной перцептивной модусной рамкой (*можно увидеть, можно найти*). Приведенное выше объявление *По Литейной, пройдя Лютеранскую церковь,*

по Васильевской улице отдается в наем дом с восстановленной модусной частью звучало бы так: 'Отдается в наем дом на Васильевской улице, который можно увидеть (найти)/видишь, пройдя по Литейной мимо Лютеранской церкви'.

От этих старых употреблений в современном русском языке остались *не доходя*, *не доезжая чего-л.*, которые квалифицируются словарями и грамматиками как производные предлоги:

Там, не доезжая три остановки, у вас ведь дом отдыха, меня раз туда Мария Саввишна возила, кто-то приезжал, так надо было залу убрать, посуду помыть... [Домбровский, Факультет ненужных вещей];

В самом центре, через площадь от райкома КПСС, не доходя до колхозного рынка, были даже остатки какого-то строения, которое называли кто Кремлем, кто пассажем [Войнович, Монументальная пропаганда];

Это, если с Павелецкого не доезжая Каширы, есть такой Ступинский район [С. Эйгенсон, Сельхозработы]

Если обратиться к современным Интернет-ресурсам, то можно обнаружить такие примеры:

Проехав около 250 метров с левой стороны **будет** проходная с зелёными воротами (территория ткацкой фабрики); **Проехав** 10-ть км., поворот на с.Устье, **не доезжая** до села, **будет** поворот направо с вывеской рыбалка на Дубешне; **Проехав** по дороге номер 14 примерно 9 км, справа от главной дороги **будет** указатель "Punkaharjun Kultaranta"; После моста, **проехав** пост ДПС, метров через 800 **будет** правый поворот.

Это означает, что запрещенные литературной нормой синтаксические структуры продолжают существовать в разговорном синтаксисе и осмысливаться в силу прикрепленности к субъекту модуса.

Еще одним жанром, в котором субъект деепричастий от глаголов перемещения некоррелировано именительному падежу подлежащего, являются путевые заметки. В старых путевых записках читаем:

***Переехавши** Иртыш, на самом берегу реки, на высоте расположен город Каинск [М.И. Пущин. Из дневников. 1826];*

*До распутия **проехав** полем сим (поминовение о коем при первом въезде моем исторгло сие стихотворческое изображение), начинается межа нашего владения, и дорога спускается по пригорку я, **подъехав** к спуску довольно крутому едва по мелкому камню текущей речки, по левую сторону виден пространной яблонной сад, плетнем огороженной; за ним высокая роща, несколько хижин, покрытых соломою, между коими видны остатки каменного дома, которой даже в развалинах своих ничего готического не представляет [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800-1801)];*

***Вышед** из городских ворот, есть гульбище называемое *La place Peyron* [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)].*

Цель автора путевых заметок – связать место и впечатление о месте. Эта связь устанавливается через субъектадвигающегося и субъектавоспринимающего – обе роли принадлежат одному человеку. В подобных предложениях появляется фигура наблюдателя. Наблюдатель двигается и видит, а мы видим мир его глазами, это можно доказать, если между деепричастием и основной частью вставить модусную рамку:

***Вышед** из городских ворот, я вижу/можно увидеть/каждый может увидеть (,что есть) гульбище называемое *La place Peyron* [Д.И. Фонвизин. Письмо родным (1777)]*

Перцептивный модус может быть встроен в семантику бытийного предложения (это предложения с глаголами *появиться, показаться, открыться, белеться*), есть глагол или отглагольное существительное, маркирующее наблюдателя; ср. следующие примеры:

***Проехав** наш бывшей окружной городок, открывается довольно пространное поле, которое по временам года то серую единообразную*

представляет поверхность, то она же покрыта редкою зеленью, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы проседающей. [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800-1801)];

Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу Туманного Акзиблюка [А.С. Грибоедов, Путевые записки.];

Выезжая из леса и поднявшись на высоту – пространный вид [А.С. Грибоедов, Путевые записки];

Переехав же Неман в Ковно, вид природы сделался совершенно праздничным [М.И. Глинка. Записки].

Деепричастие относится к «пропущенному» перцептивному модусному глаголу в обобщенно-личной форме и гномическом временном значении: 'Переехав же Неман в Ковно, увидишь, каким совершенно праздничным сделался вид природы'.

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что неканонические употребление деепричастия обусловлено не только нарушением условий существования таксисной пары (общность временной локализованности, единство временного периода), но и действием эгоцентрического механизма – его соединением с имплицитным модусом и обобщенно-личным субъектом (наблюдателем).

Литература

Вяльсова А.П. Категория таксиса и смежные категории. //Русский язык в научном освещении. № 18 (2) М., 2009.

Иванов А. История Петербурга в старых объявлениях. М.-СПб, 2008.

Бондарко А.В. Теория значений в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

Ковтунова И.И. Изменения в системе осложненного предложения// Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX

века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции ДИАЛОГ. М., 2006.

Русская грамматика. Т. I. Praha, 1979.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Шмелева Т.В. Деепричастия на службе у модуса. // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз.сб. Красноярск, 1984.

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании. // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.